

Отдельный вопрос: действительно ли чудеса (даже в составе категории «самовыражение») были необходимы для познания мира до XIX в. или же они являлись проявлением желания большинства людей проявить себя путем мистической экспрессии? Является ли это универсальной потребностью, стоящей над временем и культурой? Наконец, спорной кажется методика анализа положения женщин, так как материал монографии то и дело подтверждает, что преимущественно литературные представления о женщинах и их ролях — это как раз то, что не делает исследование эффективным, особенно в главе шестой (о знатных дамах и королевах варваров), ведь литература того времени, вообще говоря, создавалась мужчинами.

В заключение еще раз скажу, что книга Матисена вызывает противоречивые чувства. Можно приветствовать ее дидактическую составляющую, касающуюся репрезентативности источников или отрывков из них, а также самой методики этой репрезентативности. Что касается, однако, социального анализа позднеантичного общества, то удачным и новаторским я бы его не назвал, за исключением ряда достаточно интересных наблюдений, касающихся в основном социально-культурных сюжетов.

М. А. Киселев, В. А. Ляпин

ИЗ ИСТОРИИ УРАЛЬСКОЙ ЯРМАРКИ

Рец. на: Дмитриев А. Ирбитская ярмарка // Урал. 2004. № 5 (542). С. 179–220.

Традиционно в исторических и краеведческих трудах Урал XVIII—XIX вв. прежде всего предстает как край заводов и заводоладельцев, приисков и старателей, а в последнее время, в связи с деятельностью Русской православной церкви, — и как православия [см.: Четыре века православного монашества..., 2004], поэтому особого интереса заслуживает работа А. Дмитриева, демонстрирующая Урал купеческий. Данная статья посвящена такому феномену экономической и, в определенной степени, культурной жизни дореволюционного Урала, как Ирбитская ярмарка, а точнее, ее истории в XIX в., когда «маховиками товарооборота в России... служили ярмарки» (с. 179), когда Ирбитская ярмарка переживает свой взлет, расцвет и, вступая в XX век, начинает клониться к упадку.

Автор демонстрирует ярмарку как фактор региональной экономики, которая уже в начале XIX в. хотя и «не числилась среди крупнейших... но выглядела достаточно представительной и не без основания считалась международной» (с. 180); отражаются основные участники, приезжающие к открытию торжища, и их товары, когда «караванщики Хивы и Бухары доставляли в объемистых тюках пряжу, выбойку, шерсть, каракуль, халаты, пряности, сухофрукты...» и т. д. В целом, в данный период спрос на промышленные изделия на Урале и в Сибири был относительно невелик, и в значительной степени благосостояние Ирбитской ярмарки было связано со среднеазиатской торговлей.

Но расцвет был связан с другим явлением: «Подлинный же взлет испытала ярмарка на рубеже 30—40-х годов, в связи с размахом золотопромышленности. Бурно развивающаяся отрасль породила невиданные капиталы, а с другой стороны — беспрецедентный спрос на товары и господские, и простонародные» (с. 183). Автор разносторонне описывает эти действительно золотые годы ярмарки, которые выражаются не только в сухих цифрах роста товарооборота, когда сумма привоза товаров «в 1829 году равнялась 10,8 млн рублей... в 1839 году привоз реализуемых в Ирбите товаров укладывается в 11,9 млн руб. серебром, к 1845 он вырос до 20,2 млн» (с. 183), но и в возобновившихся попытках завистников оспорить местонахождение ярмарки, в появлении на Урале банковских заведений, в изменении архитектуры города и т. д. Опять перед нами возникает красочная картина бурного торга с его многочисленными товарами и ассортиментом от ивановских ситцев до гаванских сигар. Сказалось это и на культурной жизни.

В целом, подводя итог дореформенному развитию Ирбитской ярмарки, А. Дмитриев делает вполне закономерный вывод о том, что «ирбитское ускорение базировалось... на расширении национального рынка, обусловленного интенсивным развитием экономики, прежде всего на азиатских окраинах России» (с. 189).

Конечно, «кризис феодализма оставил неизгладимые шрамы и на Ирбитской ярмарке. Прирост ее оборотов в разгар кризиса и особенно на излете его, сопровождавшийся продолжительной депрессией, замедлился» (с. 190), но, как это демонстрирует автор, жизнь на ярмарке, ее влияние как на экономику региона в целом, так и на развитие города в частности продолжает расти. Так, тюменские ковровщицы «оказались настолько усердны и проворны, что запрудили своим товаром ближайшие рынки. Избежать затоваривания помогла опять-таки Ирбитская ярмарка, переправлявшая ковры в столицы, царство Польское и за границу» (с. 194); «в 1864 году заступил на полувековую службу Пассаж — огромное по тем временам здание» и т. д.

К 1870-м гг. ярмарочные обороты стабилизировались, но Ирбитская ярмарка в связи с развитием новой (капиталистической) России сталкивается с другой проблемой — транспортной, когда «конные перевозки настолько вздорожали, что безальтернативность паровой тяги осознали и ярмарочные дебютанты, и почтенные коммерции советники» (с. 198). Автор разбирает все перипетии, связанные со становлением железнодорожной сети Урала в целом и Ирбита в частности. Итогом для ярмарки стало то, что «миновавшая Ирбит Пермь-Тюменская дорога и младшая ее сестрица — Златоустовская — обозначили предел возвышению ярмарки. Караванный путь из Средней Азии нарушила в 90-е гг. Закаспийская магистраль. По мановению властей предержащих угодил Ирбит в бедные родственники к железнодорожникам... Ярмарке перепали остатки и то, в чем нуждалась таёжно-степная глухомань» (с. 203).

Но ярмарка все же продемонстрировала свою живучесть, и, как показывает автор, на ней продолжают происходить явления качественного порядка, подобные учреждению весной 1890 г. под эгидой ярмарочного руководства биржи. «Скромные поначалу биржевые операции в дальнейшем стали неуклонно расти» (с. 209). Воз-

никают новые фабрики и фирмы, так или иначе связанные с ярмаркой, изменяется внешний вид города. «Формирование зрелых капиталистических отношений сопровождалось... демократизацией состава Ирбитской ярмарки», когда происходят изменения в облике самих торгующих: «из сметливых, наделенных здоровым инстинктом собственности мещан, крестьян, ремесленничавших заводских мастеровых и выковывалось капитализмом предпринимательское ядро, неуловимо схожее с иноземным и происхождением, и культурой» (с. 218—219).

Начало XX в., на котором заканчивается повествование автора, Ирбит встречает нас кризисом: «подобно сверхчуткому барометру, Ирбитская ярмарка фиксировала промышленный спад, угнетенность государственного и частного кредита, оскудение населения» (с. 220).

В заключение стоит отметить, что в данной работе, носящей научно-популярный характер, автору в яркой публицистической манере удалось создать исторический образ Ирбитской ярмарки XIX в. с ее местом в экономике региона, торговлей и торговцами.

Правда, создаётся небольшое ощущение неполноты, связанное с отсутствием изложения автором самого зарождения ярмарки в XVIII в., пускай и небольшого по своим размерам. К тому же не совсем понятна заключительная фраза о том, что в начале XX в. «экономическое потрясение высветило безальтернативность капитализма и ускорило его перерастание в монополистическую фазу. В России она была насильственно прервана Октябрем 1917, но оказалась и не кратковременной, и не финишной по внутренней сущности, о чём не уставали трубить наивно-самоуверенные идеологи большевизма» (с. 220). Ведь именно кризис предполагает возможность нескольких вариантов развития, чего не может быть при стабильном развитии; а то, что капитализм начала XX в. уже к середине 30-х гг. приказал долго жить, уступая свое место так называемой смешанной экономике [см.: Ван-дер-Вее, 1994], так что это скорее проблема не идеализма такого теоретика материализма как В. И. Ленин, а догматизма его наследников, не хотевших замечать изменений в системе капитализма.

Но в целом данная работа вносит свой положительный вклад в изучение многогранной реальности истории Урала, а также в популяризацию истории нашего края.

Ван-дер-Вее Г. История мировой экономики, 1945—1990. М., 1994. С. 179—201.

Четыре века православного монашества на Восточном Урале. Екатеринбург, 2004.